

Вадим Изотов

Костяной дом

Вадим Изотов

Костяной дом

<https://litres.ru/74641148>

SelfPub; 2026

Аннотация

Когда с неба падала "звезда с хвостом", мир древних охотников раскололся: пепел закрыл солнце, реки почернели, а мамонты — священные звери Великой Матери — начали гибнуть целыми стадами, отравленные неведомой болезнью. Юный охотник Тур, сын старейшины Яра, видит, как вожак мамонтов с треснувшим бивнем уходит на север, будто предупреждая о худшем. Пока шаман Кречет требует жертв, чтобы вернуть духов, Тур решает увести людей на юг, к морю, к чистой воде и тёплой земле. Их путь — через голод, раскол, встречи с озверевшими беглецами и последнюю охоту на мамонтов. Тур понимает: выжить — значит не только убивать, но и помнить. Встретив последнего мамонта, он не поднимает копьё, а поёт ему песнь памяти. Это история о том, как в мире, где рухнули все прежние законы, хрупкая память становится единственным спасением для людей. «Костяной дом» — роман о конце одного мира и рождении другого, о том, как среди пепла и смерти древнюю люди учатся оставаться мудрыми и сильными.

Содержание

Глава 1. Дыхание Великой Матери	4
Глава 2. Дом из костей	14
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Вадим Изотов

Костяной дом

Глава 1. Дыхание Великой Матери

Тур почуял стадо прежде, чем разглядел. Запах шёл низом, от реки: густой, тёплый, похожий на парное молоко, с кислинкой мокрой шерсти и земли. Он вжался грудью в замшелую кочку, колени утопил в снегу и знаком велел Велу залечь. Мальчишка, разумеется, высунулся — он всегда высывался, будто без него мир не обойдётся.

— Тур, — прошелестел Вел за спиной, — сколько их?

— Много. — Тур не обернулся. — Молчи.

Стадо выходило из-за излучины, где берег обрывался крутым глинистым склоном. Сначала показались бивни — белые, лоснящиеся от влаги; они качались над кустами, как голые ветви мёртвого леса. Потом появились тяжёлые головы в сваливавшейся рыжей шерсти. Мамонты шли медленно, продавливая снег до земли, и каждый шаг отзывался в груди Тура низким гулом, будто грубо били в огромный барабан.

Он насчитал двенадцать взрослых животных. Между ними держался молодняк — смешной, коротконогий, с хоботами, ещё не обросшими шерстью. Самки шли по краям, при-

крывая детёнышей. Вожак, старый самец с бивнем, загнутым вверх крюком, держался в середине. Левый бивень был сломан у основания, и Тур знал этот скол, эту белёсую полосу. Прошлой зимой он сам вырезал его изображение на клыке, когда впервые встретил вожака у Солёного ручья.

— Вожак тот же, — прошептал Вел. — Смотри, Тур, тот же!

— Вижу. — Тур сжал копьё. Отполированное ладонями древко холодило пальцы. — Не дыши так громко.

Стадо замерло. Вожак поднял хобот, потянул воздух и издал короткий вопросительный звук — не трубный, а скорее кашляющий, будто прочистил горло. Самки сбились плотнее. Молодой самец без бивней попятился и едва не наступил на детёныша.

Тур выжидал. Он знал этот миг — когда стадо перестаёт быть стадом и становится единым существом, огромным и настороженным. Охотники рода Яра называли его «дыханием Великой Матери». Мамонты дышали вместе, и это дыхание ощущалось кожей, будто ты стоял не в снегу, а внутри огромной живой пещеры.

— Пора, — сказал Тур.

Он поднялся из-за кочки. Слева, из-за валунов, встал Ост — долговязый, с вечно недовольным лицом; он держал рога тину обеими руками, и снег на его плечах уже подтаял. Справа зашевелились ещё четверо молодых охотников — те, кому старейшины доверили загон.

Вожак повернул голову. Его маленькие глубоко посаженные глаза, обведённые морщинистой кожей, смотрели прямо на Тура. И Тур почувствовал укол в груди — не страх, а другое, отчего рука, державшая копьё, дрогнула.

«Ты убиваешь меня, — будто сказал вожак. — И я это знаю».

— Хэй! — заорал Ост и первым бросился вперёд, размахивая рогатиной.

Стадо дрогнуло. Самки сбились в кучу, детёныши запищали, вожак развернулся, и его бивень прочертил в воздухе дугу. Охотники с криками побежали по краям, загоня мамонтов к обрыву — туда, где берег падал в реку, а вода ещё не промёрзла до дна.

Тур бежал, не чувствуя ног. Снег, грязь, сучья летели из-под шагов, а он смотрел только на вожака. Тот прикрывал отход: стадо уходило к излучине, где стояли главные силы — старейшины и Яр, его отец, с тяжёлыми копьями.

Всё было как всегда. Как сотни раз прежде. Загон, крики, свист, грохот копыт. Тур знал эту охоту с тех пор, как себя помнил. Знал, куда бежать, где встать, как ударить, чтобы бивень не достал, чтобы не попасть под ноги, чтобы в суматохе не потерять своих.

Он не знал одного: почему вожак не бежит.

Старый самец стоял на месте. Остальные уходили — самки, молодняк, даже молодой самец без бивней, — а вожак развернулся мордой к людям, опустил голову и шумно вы-

дохнул. Пар из его хобота поднялся облаком, и в этом облаке Тур увидел то, отчего у него перехватило горло.

Вожак не защищал стадо. Он просто устал быть главным.
— Тур! — заорал Ост слева. — Он один! Бей!

Тур не двинулся. Он стоял в десяти шагах от мамонта, и мамонт стоял, глядя на него, и время растянулось, как шкура на распялке.

— Тур! — уже ближе, сзади, голос Вела. — Что ты стоишь?

Вожак сделал шаг. Не вперёд, а в сторону. Медленно, тяжело переставляя ноги, он повернул к реке и пошёл — не бегом, не в панике, а той походкой, которой ходят старые животные, знающие, что за ними никто не пойдёт.

Мамонт уходил. На север, вдоль берега, туда, где река делала петлю и скрывалась в низких, заросших ивняком берегах.

Тур смотрел вслед. Ветер донёс тот же запах, что и в начале, но теперь в нём появилось ещё что-то. Тошнотворное. Будто внутри огромного тела что-то гнило.

— Ты почему не ударил? — Ост подбежал запыхавшийся, злой. — Он ушёл! Ушёл, Тур!

— Замолчи.

— Что значит «замолчи»? Мы его упустили! Яр нам головы поотрывает!

Тур обернулся. Ост стоял вплотную; от него пахло потом и снегом, а в глазах была не злость, а растерянность. Ост не

понимал. Никто бы не понял, кроме опытного охотника.

— Он ушёл на север, — сказал Тур. — Ты видел, куда он пошёл?

— Ну на север. И что?

— Мамонты не ходят на север зимой. Там нет травы. Там снег до брюха.

Ост сплюнул на снег.

— Может, он больной. Старый. Сдохнет где-нибудь под кустом — нам же лучше.

Тур промолчал. Он смотрел на цепочку следов, уходившую вдоль берега, и думал о линии на бивне, которую вырезал прошлой зимой. Он помнил каждый скол, каждую бороздку — рука сама вела резец, будто кость подсказывала, где провести линию. Тогда, зимой, вожак казался ему огромным, как мир. Сейчас — старым и больным.

Мамонты уже скрылось за поворотом. Охотники возвращались — кто ругался, кто молчал, кто сплёвывал снег. Ост ушёл вперёд, к отцу, объяснять, почему загнали стадо не туда. Вел подошёл сзади, тронул Тура за локоть.

— Тур. — Мальчишка смотрел снизу вверх, и в его глазах было что-то взрослое, чего Тур раньше не замечал. — Он же не убежал. Он ушёл.

— Угу.

— Как будто ему всё равно стало. Как будто он нас больше не боится.

Тур положил руку на плечо брата. Ладонь была в снегу, и

Вел вздрогнул.

— Пошли. Нас ждут.

Они шли вдоль берега, и Тур считал шаги. Один. Два. Три. Снег скрипел под ногами, ветер тащил с реки запах мокрой глины, а где-то далеко, на севере, за низкими ивняками, за пологими холмами, за всем, что Тур знал и любил, только что исчез мамонт. Просто ушёл. Не убежал, не спрятался, не попытался сбить охотника с ног. Ушёл, как уходят из дома, где больше нечего делать.

У стоянки их встретили молчанием. Женщины уже знали — по лицам, по походке, по тому, как охотники несли копья, а не туши. Рада, мать Тура, стояла у входа в жилище из мамонтовых костей — низкого, длинного, обтянутого шкурами. Она ни о чём не спросила. Только посмотрела на сына, и Тур опустил глаза.

Яр вышел из-за костяной стены. Он был стар — седые волосы, тяжёлые плечи, лицо, будто вырезанное из бивня: твёрдое, с глубокими трещинами морщин. Он не кричал. Он никогда не кричал.

— Не взяли? — спросил он.

— Один ушёл, — сказал Ост. — Вожак. Тур его упустил.

Яр посмотрел на Тура. Долго. Тур знал этот взгляд — так отец смотрел на треснувший резец или на плохо выделанную шкуру. Не зло, а с сожалением.

— Потом поговорим, — сказал Яр. — Сначала — совет. Совет собирался у большого костра в центре стоянки, где

снег был вытоптан до чёрной земли. Старейшины сидели на шкурах, подложив под себя сухие ветки. Кречет, шаман, стоял у огня, и его тень плясала на костяных стенах — огромная и неровная. Он был в маске из черепа волка, но Тур знал его глаза: маленькие, острые, они смотрели на всех сразу и ни на кого в отдельности.

— Духи молчат, — сказал Кречет. Голос у него был тихий, но его слышали все. — Великая Мать отвернулась от нас. Мамонты уходят. Вы видели это сегодня. Они уходят, потому что мы недостаточно благодарили их.

Тур сидел на краю круга, и в нём поднималась злость — горячая, как угли под пеплом. Он хотел сказать: «Он ушёл не поэтому. Он был больной. Старый. В нём гнило что-то». Но молчал. Слова застревали в горле, как кость.

— Что ты предлагаешь? — спросил Яр. Он сидел напротив Кречета, и между ними полыхал огонь.

— Жертву. Большую. Лучшие бивни из хранилища. И белого оленя, если найдём.

Старейшины зашевелились. Кто-то кивнул, кто-то нахмурился. Тур видел, как Ост, сидевший неподалёку, закатил глаза.

— Белого оленя зимой не найти, — сказал Яр. — Ты сам знаешь.

— Значит, найдём другую жертву. — Кречет повернул голову, и его волчья маска блеснула в свете костра. — Духи хотят крови. Они всегда хотят крови.

Тур больше не слушал. Он смотрел на огонь и думал о вожаке. О том, как тот стоял и смотрел на него. О том, как повернулся и ушёл — не на юг, где были травы и стада, а на север, где ничего не было.

«Он знает что-то, чего не знаем мы», — подумал Тур. И эта мысль была страшнее всего, что говорил Кречет.

Ночью он не спал. Лежал на шкурах рядом с Велом, слушал, как брат сопит, как потрескивают угли в очаге, как ветер шуршит по костяным стенам. Снаружи было тихо — слишком тихо для зимы, когда обычно где-то воют волки или кричат ночные птицы. Сейчас — безмолвие и штиль.

Тур выбрался наружу. Снег под ногами скрипнул, и он замер, прислушиваясь. Стоянка спала. Костёр почти погас. Над головой висело небо — чёрное и чистое, с россыпью звёзд. И среди них — одна, которой раньше не было.

Она висела низко, у самого края неба, и была не такой, как другие. Не точка, а маленькое пятнышко с хвостом, будто кто-то чиркнул углём по чёрной шкуре и не стёр. Тур смотрел на неё, и внутри что-то сжималось, как коготь пещерного медведя.

— Видишь? — раздалось сзади.

Он обернулся. Рада стояла у входа, закутавшись в шкуру. Её лицо было в тени, но голос звучал ровно.

— Вторую ночь вижу, — сказала она. — И старики говорят, что раньше такого не было.

— Что это?

— Не знаю. — Рада подошла ближе, встала рядом. От неё пахло дымом и сушёной травой. — Но вожак ушёл не просто так, Тур. И небо не просто так показывает нам этот знак. Что-то будет.

Тур посмотрел на неё. Она была ниже его на голову, и в темноте её глаза казались двумя тёмными провалами.

— Мамонты уходят, — сказал он. — Вожак ушёл на север. Утром надо проверить, куда он пошёл.

— Утром будет совет. Кречет уже требует новых жертв.

— Кречет может требовать что угодно. — Тур впервые за вечер почувствовал, что голос у него не дрожит. — Но если мамонты уходят, жертвы не помогут.

Рада долго молчала. Потом коснулась его руки — коротко, чуть-чуть, будто проверяла, тёплая ли она.

— Ты видел, как он смотрел, — сказала она. — Вожак. Он смотрел на тебя, как будто прощался.

Тур кивнул. Он не сказал, что думает то же самое. Не сказал, что чувствует: это было не прощание, а предупреждение. Он смотрел на звезду с хвостом, на чёрное небо, на снег, который лежал вокруг стоянки, как белая шкура, и думал о том, что завтра всё изменится. Что-то шло к ним — оттуда, из темноты, с севера, куда ушёл вожак. И это что-то не боялось ни копий, ни духов, ни жертв.

— Пошли внутрь, — сказал он. — Замёрзнешь.

Они вернулись в жилище. Тур лёг на шкуры, закрыл глаза и снова увидел вожака — старого, с треснувшим бивнем, —

который уходит по снегу и не оборачивается. А над ним, в чёрном небе, висела звезда с хвостом, и её свет был холодным, как лёд на реке.

Он уснул только под утро, когда звезда побледнела, а небо на востоке стало серым, будто кто-то провёл по нему мокрой тряпкой. И во сне он слышал низкий тяжёлый гул — то ли мамонты шли куда-то далеко, то ли земля готовилась треснуть пополам.

Глава 2. Дом из костей

Утро началось с холода.

Тур проснулся оттого, что кто-то ткнул его в бок. Открыл глаза — Вел, уже одетый в меховую куртку, сидел над ним на корточках и тыкал пальцем.

— Вставай. Отец зовёт.

— Чего ему?

— Не сказал. — Вел пожал плечами. — Но лицо у него было такое, будто он всю ночь не спал.

Тур сел. Шкуры под ним были влажными от пота, и это казалось странным: обычно к утру они просыхали, а тут хоть выжимай. Он выбрался из-под одеяла, и холод сразу взялся за плечи, за голые руки, за лицо. В жилище было темно — очаг почти погас, только угли тлели красным, — и от костяных стен тянуло сыростью.

Снаружи стоянка уже просыпалась. Женщины выносили из жилищ шкуры, выбивали их палками, и снег вокруг был усыпан мелкой шерстью. Кто-то тащил хворост, кто-то чинил снегоступы. У большого кострища возились дети — их было много, и все галдели, как вороны.

Яр стоял у восточной стены, там, где кости были сложены особым образом, образуя нечто вроде ниши. Тур сразу понял: отец смотрит на бивни. Те самые, из хранилища. Их

было пять, и они лежали, укутанные в шкуры, — гладкие, тяжёлые, каждый длиной в два локтя. Кречет требовал их для жертвы.

— Доброе утро, — сказал Тур.

Яр обернулся. Лицо у него было серое, как пепел, и под глазами залегли тёмные мешки.

— Доброе ли? — Он кивнул на бивни. — Сегодня совет решит. Кречет хочет все пять.

— А ты?

— А я думаю, что если мы отдадим все, то останемся ни с чем. — Яр провёл ладонью по бивню, будто гладил живое существо. — Эти бивни — не просто кость. Это память. В них дух мамонтов, которых мы убили. Если мы отдадим их духам, мы отдадим им всё, что у нас есть.

Тур молчал. Он знал эти бивни с детства. Один из них — самый длинный, с трещиной у основания — был из того самого вожака, которого он видел вчера. Точнее, из его предшественника. Тур сам вырезал на нём фигурки — маленьких мамонтов, идущих гуськом, — и каждая линия была сделана с молитвой. Раньше он искренне верил, что это помогает, а теперь сомнения закрались в душу и уверенность растаяла без следа.

— Что будем делать? — спросил он.

— Думать. — Яр повернулся к нему. — Ты вчера упустил вожака. Я не спрашиваю почему. Но скажи мне: он был больной?

Тур вспомнил. Запах гнили. Тяжёлый вздох. Усталые глаза.

— Был. В нём что-то гнило. И он ушёл на север.

— На север, — повторил Яр. — Мамонты не ходят на север. Никогда.

— Я знаю.

— Значит, что-то изменилось. — Яр помолчал. — Кречет говорит, что это духи гневаются. А я думаю, что духи тут ни при чём. Что-то не так с землёй. С небом. Ты видел звезду с хвостом?

— Видел.

— И я видел. И старики говорят, что такая звезда была давно, когда они были детьми. Тогда тоже уходили мамонты. И была большая зима. — Яр снова посмотрел на бивни. — Тогда тоже жертвы не помогли.

Тур хотел спросить ещё что-то, но сзади раздался голос — резкий, скрипучий, как несмазанное древко:

— Яр! Совет ждёт!

Кречет стоял в десяти шагах, и его волчья маска была сдвинута на лоб, открывая узкое лицо с острым подбородком. Он не подошёл ближе — стоял и смотрел, и в его глазах было что-то, отчего Тур почувствовал злость.

— Идём, — сказал Яр.

Совет собрался у большого костра. Старейшины сидели полукругом, и Тур заметил, что некоторые из них избегают смотреть на Яра. Кречет встал в центре, и его тень снова пля-

сала на костяных стенах.

— Духи требуют жертвы, — произнёс он твёрдо. — Вчерашняя охота всё показала: мамонты уходят, потому что мы утратили должное почтение к ним. Нужно отдать им самое ценное — все пять лучших бивней.

Воздух наполнился гулом, будто разом заговорили все тени прошлого. Старейшины реагировали по-разному: один сдержанно кивнул, другой сдвинул брови, и в его взгляде мелькнуло недоброе предчувствие. Яр сидел неподвижно — прямая спина, ни малейшего движения, только пальцы на коленях, стиснутые в тугие кулаки, выдавали напряжение, сковавшее его изнутри.

— А если это не поможет? — спросил он.

— Поможет, — отрезал Кречет. — Духи всегда принимают жертву, если она искренна.

— А если нет? Если мамонты уже не вернутся? Что тогда?

Кречет повернулся к нему. В его глазах не было злости — только уверенность в себе, и это было хуже всего.

— Тогда мы встретим смерть, — произнёс он тихо, без пафоса, будто говорил о самом обыденном. — Но встретим её с поднятой головой, с честью в сердце. Не то что те, кто, дрожа от страха, зарываются в землю, словно это спасёт их от судьбы.

Тур смотрел на отца. Яр молчал. И в этом молчании Тур впервые увидел то, чего боялся больше всего: отец не знал, что делать. Он устал. И Он был один.

— Я против, — сказал Тур.

Все повернулись к нему. Кречет прищурился.

— Ты — охотник. Ты вчера упустил вожака. Ты не имеешь права говорить здесь.

— Имею, — сказал Тур. — Я — сын старейшины. И я видел вожака. Он был больной. Он ушёл не потому, что духи отвернулись, а потому что ему было плохо. Если мы отдадим бивни, мы отдадим память о мамонтах. А если мамонты не вернутся, что нам останется?

Кречет молчал. Потом усмехнулся — коротко, без веселья.

— Ты говоришь, как ребёнок, — сказал он. — Духи не требуют, чтобы ты понимал. Они требуют, чтобы ты верил и им подчинялся.

— А если вера убивает? — спросил Тур. — Если мы отдадим всё, а голод останется?

Кречет не ответил. Он повернулся к старейшинам и сказал:

— Голосуем.

Голосование было быстрым. Четверо старейшин подняли руки за жертву. Двое — против. Яр не поднял руку вообще. И когда Кречет объявил, что бивни будут отданы духам на закате, Тур почувствовал, как что-то внутри него надломилось — как та самая кость, которую он резал прошлой зимой.

После совета он ушёл к себе. В жилище было пусто — Рада ушла с женщинами, Вел убежал к детям. Тур сел на шку-

ры, взял в руки резец и кусок бивня — небольшой, с ладонь, — и принялся резать.

Он работал резцом, не замечая ничего вокруг. Перед глазами лежал маленький мамонт — голова опущена, хобот почти касался земли, будто зверь в последний раз хотел ощутить родную почву. Мысли растворились, отступили куда-то далеко, и теперь лишь руки жили своей жизнью — уверенно вели резец, будто знали каждый изгиб кости наизусть. И кость поддавалась легко, словно была не древним твёрдым материалом, а сырой, податливой глиной. С каждым движением, с каждой новой стружкой злость таяла, утекала сквозь пальцы, растворяясь в ритме работы, пока в груди не осталось ничего, кроме тяжёлого, но чистого спокойствия.

— Ты хорошо режешь.

Тур поднял голову. Рада стояла у входа, и в её руках был пучок сушёных трав.

— Спасибо.

— Я слышала, что было на совете. — Она подошла и села рядом. — Ты говорил против Кречета.

— Говорил.

— Он этого не забудет.

— Знаю.

Рада помолчала. Потом положила травы на землю и коснулась его руки — той, что держала резец.

— Ты сделал правильно, — сказала она. — Но будь осторожен. Кречет не просто шаман. Он — голос духов. Если он

скажет, что ты враг, тебя изгонят.

Тур посмотрел на неё. В её глазах была не жалость, а что-то другое — понимание.

— А ты? — спросил он. — Ты веришь, что духи требуют жертв?

Рада улыбнулась — уголками губ, чуть-чуть.

— Я верю лишь в то, что вижу своими глазами, — голос его звучал твёрдо, без тени сомнений. — Вижу, как мамонты уходят всё дальше, будто сама земля гонит их прочь. Вижу, как небо чертит в вышине тревожные знаки. Вижу страх в глазах Кречета — он прячется за словами, но дрожь в руках его выдаёт. И ещё я вижу тебя: ты стоишь прямо, не отводишь взгляда, не ищешь укрытия. В этом больше правды, чем во всех шептаниях духов, вместе взятых.

Тур молчал — слова будто рассыпались, не успев сложиться во фразы. Он не сводил с неё глаз, и в груди росло то самое тепло — не от пляшущих языков пламени, а от чего-то куда более тихого и настоящего. Оно разливалось медленно, словно капля мёда, согревая изнутри, и в этом тепле не было нужды в словах: тишина между ними говорила сама за себя.

— Спасибо, — сказал он наконец.

— Не благодари. — Рада встала. — Просто будь жив, когда всё это закончится. Ладно?

Она ушла. Тур снова взял резец, но не резал. Он смотрел на фигурку мамонта в своей руке — маленькую, беспомощную, с опущенной головой — и думал о том, что будет вече-

ром, когда бивни отдадут духам.

Он не верил, что это поможет. Но он не знал, что делать вместо этого.

А потом, ближе к закату, когда небо стало серым и тяжёлым, а костёр уже разожгли для ритуала, Тур увидел, как к стоянке идёт человек. Один. Без оружия. В рваной шкуре, с лицом, покрытым копотью.

Он шёл с севера — оттуда, куда ушёл вожак.

Тур побежал к нему. Человек упал на колени у самого края стоянки, и из его рта вырвался хрип:

— Там... — он махнул рукой на север. — Там всё мёртвое. Вода чёрная. Птицы падают. И мамонты... они лежат. Много. Все мёртвые.

Тур не сводил с него глаз, а по спине медленно полз леденящий холод — не тот, что бывает в стужу, а какой-то глубинный, поднимавшийся из самой груди.

— Кто ты? — спросил он.

— Из рода Лисы. — Человек поднял глаза, и в них был ужас. — Мы шли на юг. Нас было двадцать. Осталось трое. Остальные... — Он замолчал. — Они умерли. Все.

Кречет вышел из-за костра, и его волчья маска блеснула в свете огня.

— Духи предупреждают нас, — сказал он громко. — Мы должны отдать бивни сейчас. Немедленно. Иначе будет хуже.

Тур смотрел на человека из рода Лисы, на его трясущиеся руки, на чёрные пятна копоты на лице — и понимал: это не

духи. Это что-то другое. Что-то, что пришло с неба, оставило звезду с хвостом и теперь убивает всё живое на севере.

— Нет, — сказал он. — Бивни не помогут. Мы должны уходить. Все. На юг.

Кречет обернулся, и в его глазах плескалась густая, непроглядная ярость — словно в тёмной воде всколыхнулась древняя, затаённая злоба

— Ты не имеешь права...

— Имею, — перебил Тур. — Потому что если мы останемся, мы умрём. Все. Как те двадцать из рода Лисы.

Тишина накрыла стоянку плотным покрывалом. Лишь ветер тихо шелестел, скользя по костяным стенам, да огонь в костре потрескивал, будто шептал что-то невнятное. А на снегу, недвижно раскинувшись, хрипел человек из рода Лисы.

Яр поднялся. Медленно, тяжело, будто на плечах у него был весь мир.

— Тур прав, — сказал он. — Мы уходим. Утром. Все, кто хочет жить.

Кречет молчал. Но Тур смотрел на него и всё яснее понимал: впереди ещё немало испытаний.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.